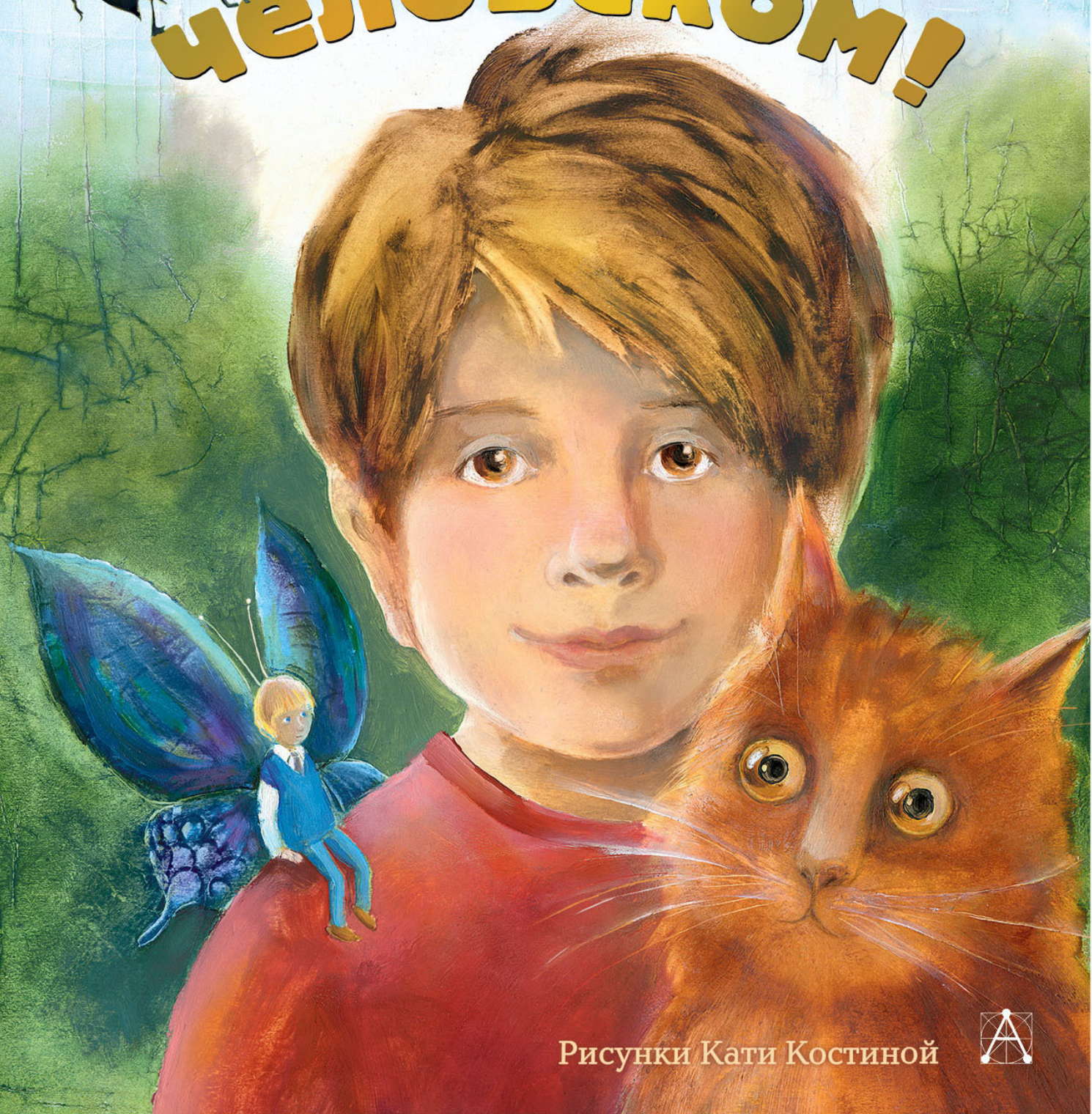

Валерий Медведев

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Рисунки Кати Костиной

Самые настоящие мальчишки

Валерий Медведев

Баранкин, будь человеком!

«Издательство АСТ»

1971

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведев В. В.

Баранкин, будь человеком! / В. В. Медведев — «Издательство АСТ», 1971 — (Самые настоящие мальчишки)

ISBN 978-5-17-112058-0

Валерий Владимирович Медведев (1923–1998) – советский и российский писатель, актер, музыкант. Его повесть «Баранкин, будь человеком!», опубликованная в 1962 году, сразу обрела бешеную популярность среди юных читателей. История о том, как обычные школьники – Юра Баранкин и Костя Малинин – превращаются во всевозможных животных и даже в насекомых, поразила детей и взрослых совершенно необычным взглядом на заурядные недостатки школьников – лень, бестолковость и воспаление хитрости. Эти ребята, побывав, в прямом смысле этого слова, в чужих шкурах, поняли, что быть человеком – очень почетно и ответственно. На основе повести «Баранкин, будь человеком!» снят мультфильм, а также поставлены оперетта и комедийный спектакль. Книга впервые издается с рисунками современной художницы Кати Костиной. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112058-0

© Медведев В. В., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Часть первая	6
Событие первое	7
Событие второе	9
Событие третье	11
Событие четвертое	13
Событие пятое	16
Событие шестое	20
Событие седьмое	21
Событие восьмое	24
Часть вторая	27
Событие девятое	28
Событие десятое	31
Событие одиннадцатое	34
Событие двенадцатое	38
Событие тринадцатое	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Владимирович Медведев

Баранкин, будь человеком!

© Медведев Ю.В., насл., 2019

© Ил., Костина Е.А., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая Баранкин, к доске!

Событие первое **Позор на всю школу!**

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала:

– Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!

Потом она собрала вокруг себя девочек и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Сопровождение продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» – прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела:

– Эх, вы! Такую красивую газету испортили!

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на "хорошо" и "отлично"»!

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двоечников действительно как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом.

Я даже не выдержал и послал Эрке записку: «Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или в крайнем случае зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» – тремя, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

Событие второе

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

– Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! – закричала она и добавила ехидным тоном: – По-священное Баранкину и Малинину!

– И никакого не собрание, – крикнула Зинка Фокина, – а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе – сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

Событие третье **Как в опере, получается...**

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала:
– Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

– В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

– А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

– Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.)

– Вызвать родителей! (Нина Семенова.)

– Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

– Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицына.)

– Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

– Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым – оболтусы, тунеядцы, трутни! Еще раз трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала.

У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

– Рыжий, – закричал я на Веньку Смирнова, – а ты-то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

– Эх ты, Баранкин, – заорал на меня Венька Смирнов, – я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

– Смирнов! – крикнула на Веньку Зинка Фокина.

– И вообще, – продолжал кричать на весь класс Венька, – предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

– Так ты эти слова ори отдельно, – крикнул я Веньке, – а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

– Ой, тише, ребята, – сказала Фокина, – замолчите! Пусть говорит Баранкин!

– А что говорить? – сказал я. – Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

– Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

– Подумаешь, какой пример-министр! – сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эр-ка покачала головой, как большая, и сказала:

– Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

– Малинин! – сказал я Косте. – Разъясни...

– Вот пристали! – сказал Малинин. – Да исправим мы ваши двойки... то есть наши двойки...

– Когда?

– Юра, когда мы исправим двойки? – спросил меня Костя.

– А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? – закричала Кузякина.

– В четверти исправим, – сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.

– Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки! – всполошилась Кузякина.

– Баранкин! – сказала Зинка Фокина. – Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

– Извините, пожалуйста! – возмутился я. – Завтра воскресенье!

– Ничего, позанимаетесь (Миша Яковлев.)

– Так им и надо! (Алик Новиков.)

– Привязать их веревками к партам! (Эрка Кузякина.)

– А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

– А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

– Молчание – знак согласия! – сказала Зинка Фокина. – Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад – будем сажать деревья!

– Что? – заорали мы с Костей в один голос. – Еще и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

– Физический труд, – сказала главный редактор нашей стенгазеты, – лучший отдых после умственной работы.

– Это что же получается, – сказал я, – значит, как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

– Алик! – сказала староста нашего класса. – Смотри, чтобы они не сбежали!..

– Не сбегут! – сказал Алик. – Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... – Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. – И подпись...

Событие четвертое
(Очень важное!)
А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошарашены.

Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

– Юра! – сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) – Юра... Ну будь человеком!.. Ну исправь завтра двойку! Ну исправишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

– Фокина! – сказал я официальным голосом. – Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал: «Не приставай!..»

Фокина (*возмущенно*). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (*хладнокровно*). Ну и не разговаривай!

Фокина (*еще возмущенней*). И не буду!

Я (*еще хладнокровней*). А сама разговариваешь!..

Фокина (*возмущенней в тысячу раз*). Потому что я хочу, чтобы ты стал че-ло-ве-ком!

– А я что, не человек, что ли?

– Нет, Юра! – сказала Фокина серьезно. – Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

– А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

– Как это устал? – спросила Фокина изумленным голосом.

– А вот так! Вот так! – возмущенно закричал я на Фокину. – Устал, и все! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фокина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменилась и сказала:

– Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. – и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком... Уже устал... А впереди еще целая человеческая жизнь и такой тяжелый учебный год... А завтра еще такое тяжелое воскресенье!..

Событие пятое
Лопаты все-таки вручают...
И Мишка вот-вот появится

И вот то воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены веселой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы сидим во дворе на лавочке и ждем Мишку Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, – просто одно мучение. На дворе, как назло, замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-летнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев желтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдет град с голубиное яйцо, Мишка побоится выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, все получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с березы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать желтые листья.

– Эй вы, подберезовики! – раздался из окна нашей квартиры мамин голос. – Вы пойдете в конце концов заниматься или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

– Мы ждем Яковлева!

– А разве без Яковлева начать нельзя?

– Нельзя! – сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Мишка.

Но Мишки все не было. Вместо него за калиткой маячил, то и дело высываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на этого шпиона и поэтому отвел взгляд в сторону.

– Воскресенье называется! – сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина; на плече она несла четыре лопаты, под мышкой у нее была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

– Эй Вы, Фото-Граф, – сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке. – Кажется, эти лопаты Вам не по плечу, Ваше Проявительство!

– Зато они будут по плечу вам с Костей, – сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей. – И подпись: староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам...

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щелкнул фотоаппаратом.

– Да, – сказал я, внимательно разглядывая лопаты. – Как в журнале «Костер» получается...

– Что это еще получается? – спросила меня Фокина.

– Загадочная картинка, – пояснил я.

– Понимаю, – сказал Алик, – где у этой лопаты ручка?

– Нет, – сказал я Алику. – Где мальчик, который будет работать этой лопатой?..

– Баранкин! – возмутилась Зинка Фокина. – Ты что, не собираешься сегодня озеленять школу?

– Почему это я не собираюсь? – ответил я Зинке. – Собираться я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

– Баранкин, будь человеком! – сказала Фокина.

Она хотела сказать нам с Костей что-то еще, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя помрачнел еще больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загипнотизированный, а я наоборот: я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться веселым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остается совсем немного времени...

Событие шестое

Семь выходных дней в неделе – вот что поразило мое воображение!

В кустах громко чирикали воробьи. Веселыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкара. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали черненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» – подумал я, с завистью глядя на воробьев. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьев и пришел к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал все, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Все время – праздник! Семь дней в неделе – и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денечек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойдешь, принеси, отнеси, купи, подмети, помоги, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Фокиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобное...

В школе будь человеком! На улице будь человеком!

Дома будь человеком! А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени еще, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться ее о-су-ществ-ить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всем рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит?.. Нет, стоит! Расскажу! А там будь что будет!

– Малинин! – сказал я шепотом. – Слушай меня, Малинин!.. – От волнения я чуть было не задохнулся. – Слушай!

Конечно, если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом еще и работать в школьном саду, то я, может быть, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом, но двойка, красовавшаяся в моем дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

Событие седьмое

Единственная в мире инструкция

Я еще раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на воробьев, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

– Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мама?!

– Что? – спросил Костя.

– Моя мама утверждает, – сказал я, – что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

– В орлиный? – переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

БАРАНКИН

ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

– В орлиный! – подтвердил я. – Но только, если захотеть по-настоящему.

Малинин отвел свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиного. Я был курносый. По выражению моей мамы, я настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно разглядеть, о чем я думаю.

– Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? – спросил Костя Малинин.

- Да я не о носе, дуралей!
- А о чем? – все еще не понимал Костя.
- А о том, что, если по-настоящему захотеть, значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...
- Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьев? – спросил Костя Малинин, глядя на меня как на ненормального.

– Как – зачем? Превратимся в воробьев и хоть одно воскресенье проведем по-человечески!

– А как это – по-человечески? – спросил ошеломленный Малинин.

– По-человечески – значит по-настоящему, – пояснил я. – Устроим себе настоящий выходной день и отдохнем как полагается от этой арифметики, от Мишки Яковлева... от всего на свете отдохнем. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться – сиди и жди Мишку...

– Как это – не устал? Я очень даже устал быть человеком! – сказал Костя. – Может, побольше твоего устал!..

– Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с еще большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь, без всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьев.

– Вот здорово, – сказал Костя. – Вдох – выход!

– Конечно, здорово! – сказал я.

– Подожди! – сказал Костя. – А как же мы с тобой будем превращаться? По какой системе?

– Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся об землю и превратился Иванушка в орла быстроскрылого... Стукнулся еще раз об землю и превратился...»

– Слушай, Юрка, – сказал мне Костя Малинин, – а это обязательно – стукаться об землю?..

– Можно и не стукаться, – сказал я, – можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

– А где же мы с тобой возьмем волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

– Зачем – из сказки? Я сам придумал. Вот... – Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую еще никто не видел на свете, кроме меня.

– «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина. Инструкция», – прочитал Костя свистящим шепотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу...

Событие восьмое

«Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»

- *«Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»* А это что, стихи, что ли? – спросил меня Костя.
- Не стихи, а заклинание. В рифму... – пояснил я. – В сказках так всегда полагается. Читал в «Снежной королеве»? Снип-снэп-снур-ре-пурре-безалюрре...
- *«Я уверен, без забот воробей живет! Вот я! Вот я...»* А дальше неразборчиво...
- Чего неразборчиво? – сказал я. – *«Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья...»*
- Складно получается! – сказал Костя.
- Всю ночь не спал, – сказал я шепотом, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.
- А что ж мы с тобой теряем время? – крикнул Малинин. – Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришел!
- Ты какой-то чудак, Малинин! Как это – скорей? Может, у нас с тобой еще ничего не получится, а ты уже радуешься да еще орешь на весь двор!
- Ну и что?
- Как это – ну и что! Дело таинственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает – потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.
- Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да еще захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! – сказал Костя шепотом.
- Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это захотеть по-настоящему? Вот в чем загадка! – прошептал я. – Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?
- Не знаю, – тихо сказал Костя.
- Ну вот! А говоришь – скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьев. Вот какая задача!
- А зачем – в воробьев? В бабочек, я думаю, легче.
- Зачем же в бабочек? Бабочки – насекомые, а воробьи – это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьев. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.
- Верно. Я про воробьев не слушал.
- Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?
- В воробьев так в воробьев! – сдался Костя Малинин. – Я в драмкружке в «Снежной королеве» во рона играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорее!
- Тебе бы только скорее! Сначала надо хоть немного потренироваться, – сказал я, забираясь с ногами на лавочку.
- Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.
- Похоже! – сказал Костя, повторяя за мной все движения. – Чик-чирик!
- Ну вот что! – сказал я. – Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробынью походку.
- Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.
- Тяжело! – сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.
- Ничего, – успокоил я Малинина, – когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.
- Костя хотел еще немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному – к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьев.

- Замри! – скомандовал я Косте Малинину.
- Замер!
- Сосредоточься!
- Сосредоточился! – ответил Костя.
- А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своем воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

- Понятно!
- Если понятно, тогда к превращению из человека в воробья приготовились!
- Приготовились!
- Начали!
- Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, мысленно повторяя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своем воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного и невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

Часть вторая Чик-чирик! Жизнь прекрасна!

Событие девятое

Стоит захотеть по-настоящему и...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить голос. По моим расчетам, этот аппарат (я его называл ТИХОФОН БЮ-1 – отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном; я щелкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я захожу утром в класс. Зинка Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щелкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать – двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а завтра же. Скажем, так: спать ты ложишься еще мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь – ты уже взрослый, с усами, и в школу идти не надо... Желание мое было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше. Смотрю – лежу в постели таким же, как уснул, без усов, и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня вот так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Я сидел на лавочке не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чем постороннем, и думал только об одном: «Как бы мне скорее превратиться в воробья». Я ждал на-ступления этого момента с такой силой, с какой не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуты на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесятерило мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные человеческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева, но я старался обо всем этом не думать.

Я считал, что если уж я решил твердо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробыном. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и не человеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробыном языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне захотелось вспорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине березы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечищенного, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеваться досыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки, словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овес? Мурашки – это еще мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а при чем здесь овес?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса?

Я ведь все-таки человек, а не лошадь! Сижу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно. Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-нибудь такого...» – и поэтому я решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание, я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю – у меня вместо ног, одетых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю – вместо рук у меня крылья. Открываю глаза еще больше, верчу головой, гляжу – сзади торчит хвост. Это что же получается! Получается, что я все-таки превратился в воробья!

Я – воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей! Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овес – любимое кушанье лошадей и воробьев! Все понятно! Нет, не все понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была права. Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие! О таком открытии стоит, пожалуй, прочирикать на весь двор. Да что на весь двор – на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выкатил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина – и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

Событие десятое

Что на воробьином языке означает...

Малинину не удалось превратиться в воробья! Он пыжился, жмурился, все время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» – и все безрезультатно. А еще торопил меня, а еще кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьев! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

– Малинин! – закричал я на Костю. – В чем дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетало обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чиу-чиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

– Баранкин! – сказал он. – Это ты, Баранкин?..

– Чио! Чио! Чья! Чья! – ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел еще больше – наверное, от зависти! – и чуть даже не разревелся.

– Как же это у тебя получилось? – спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

– Чень-чень-чень! Чик-чик-чик!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!)

Затем между мною и Костей произошел следующий разговор на разных языках:

Костя (*со слезами на глазах*). Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я знаю!) Чирик-чиквить-чить! (Наверное, хотел не по-настоящему!)

Костя. Что ты на меня чвикаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-рчик! Чуть-чуть-чьвим-чим! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей!) Чепчик! Чичинип!

Костя. Еще «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему сказал: «Не падай духом, Малинин! Еще раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чирикать в ответ. Мне самому тоже было это неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьев – и вот вам, пожалуйста. Конечно, быть воробьем одному не так интересно, как вдвоем.

Я махнул крыльями. Взлетел. Уселся на забор злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Все пропало! Теперь Малинин уже ни за что не успеет превратиться.

– Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! – донесся до меня снизу голос Кости Малинина. Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

– Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учить поведет!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей

был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, не важно, с какой попытки, важно, что превратился.

– Костя, – крикнул Мишка, слезая с велосипеда, – Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья (который был вовсе не воробей, а Костя Малинин – вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

– Здравствуй, Миша! – сказала мама. – А где же Юра и Костя?

– А я как раз хотел вас об этом спросить! – сказал Яковлев. – Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...

– Вот сорванцы! – сказала мама. – Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

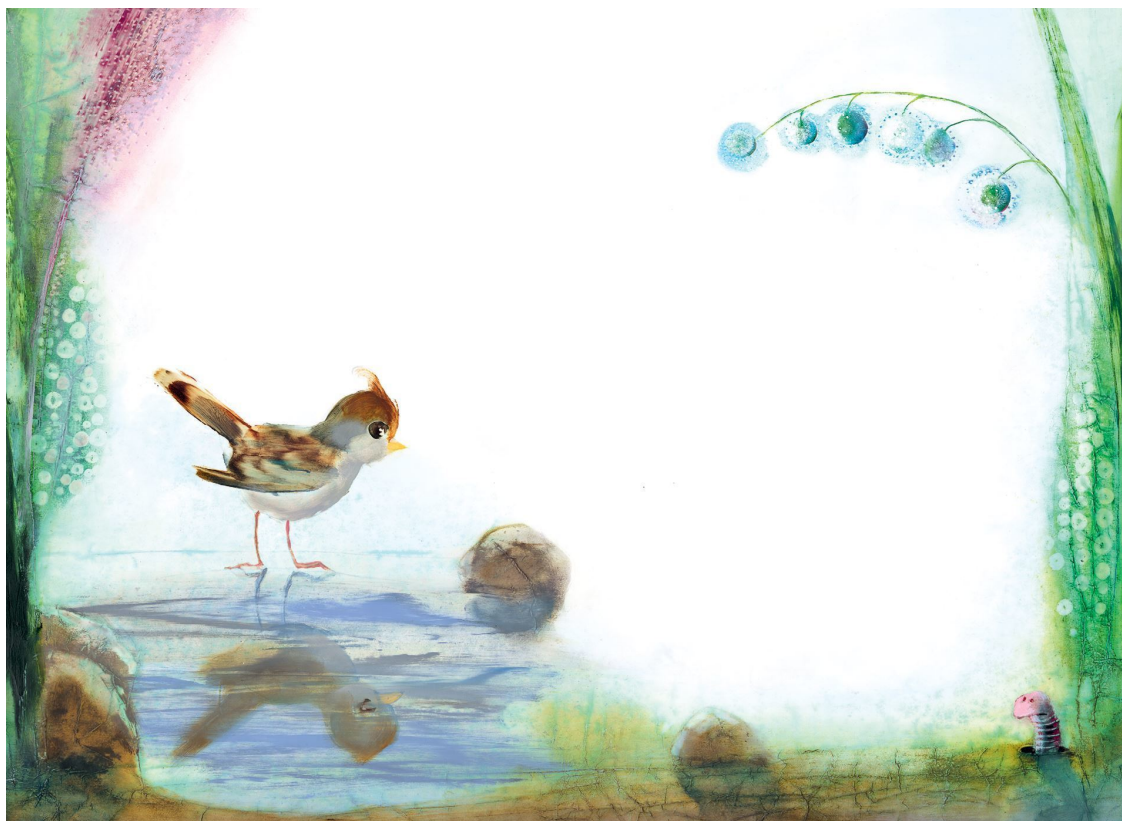
– Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! – сказал я Косте. (Молодец, Малинин! Превратился все-таки!)

На что мне Костя прочирикал:

– Че-че-че? (Честное слово?)

– Че-че-че! – сказал я. – Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!)

И Костя открыл свои голубые, как у девочки, глаза. Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здорово! Стоит на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удивления все еще прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

– Все в порядке! (Ч-уфф!)

– Ч-уфф! (Все в порядке!) – сказал Костя Малинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке...

Событие одиннадцатое **Встреча с бесхвостым**

– Сей-час наедемся овса, – сказал я Косте Малинину, – и пом-чим-чим-ся! Полетим!

– Куда?

– Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то теперь все можно. – Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением: – «Мы вольные пти-ти-ти-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за морем белеет гора!...» Одним словом, куда захотим-тим, туда и полетим-тим! Вот какая жизнь!

Малинин засмеялся.

– Юр-чи-чик! – сказал он. – В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносый. Чу-чу-деса!

– Врешь!

– Ни-чуть, ни-чуть!

– А у тебя глаза голубыми остались, как у дев-чон-ки! Чеп-чик!

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносый, и вообще я весь получился какой-то серый, и перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок. Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился: я, когда был человеком, тоже не отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый. Взъерошенный так взъерошенный.

Не в этом дело. Дело в том, что я во-ро-бей и что теперь мне никто и ничто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения. А настроение у меня было действительно замечательное! Еще бы! В голове совершенно пусто – ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день! Заме-ча-ча-тельный день! Че-че-рес-чур за-ме-ча-тельный!

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

– Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

– Заме-ча-тельная! – чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

– А что я тебе говорил? А ты говорил: «Превратимся лучше в бабочек!» Давай искупаемся!

– Холодно! Давай лучше овес искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овес на нашем дворе оказалось делом нелегким. Мне попадались и конопляные зернышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса все не было.

– Ты че-чего дерешься! – услышал я вдруг за спиной Костин голос. – Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

– Я скачу, – затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, – вижу, в траве овес лежит, нагнулся – слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое!

– Ты че-чего к маленьким пристаешь? – спросил я, подсакивая к здоровенному воробью. – Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

– Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птенчик на мой овес разлетелся? На чу-чу-жой двор заявились да еще распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробыному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост – трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молчит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку.

А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

– Эй ты, куций! – сказал я. – Вставай! У нас лежачего не бьют! Можешь проваливать... Впро-чем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овес?

– Здесь, в траве. Вот ов-син-синки и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мои слова никакого внимания. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

– Чеп-чик! – крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

– Сам ты чеп-чик! – сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку. – Не мог без меня дать сдачи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал веселый-пре-веселый.

– А здорово ты его чеб-чеб-бурахнул! – сказал Костя, выгребая из травы зернышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок.

Я поточил клюв о камешек и еще крепче зажал зернышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

– Кошка! – услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина и обернулся...

Событие двенадцатое **Кошка Муська хочет меня съесть**

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привисел к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

– Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приблизилась кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять, что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьем, я бы ни за что с ним не связывался.

– Юр-чик! Скорей улетай! – продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. Я бочком подскочил к ней. И в этой незнакомой кошке сразу же узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я еще сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я ее прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

– Здорово, Муська! – чирикнул я обрадованно. – Чу-чу-чу-ешь, кто я такой, или нет?.. Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дачка! А вон на дереве Костя Малинин. Тоже не узнаешь? Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

- Ты с ума сошел! – снова затрещал на акации Малинин. – Она же тебя съест!
- Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошел!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжелое и подмяло под себя. «Муська!» – успел подумать я и рванулся изо всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Малинин. Я летел, как камень из рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выданные из моего бока маленькие перышки.

- Полу-чи-чил! Полу-чи-чил! – продолжал злорадно трещать Костя Малинин.
- Ниче-чего не понимаю, – чирикнул я. – Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...
- «Родная, знакомая»... Скажи спасибо, что вывернулся...

– Баранкин перед кошками никогда не отступал!

– Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чу-дач-ка!» Сам чу-чу-дак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьев?

– Да нет, – сказал я, – просто я еще не привык к тому, что я воробей!

– «Не привык»! А почему же я сразу привык? – сказал Костя и добавил: – Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

– Что это с тобой? – спросил меня Костя. – Ты какой-то чу-чу-чумовой!

– Да так... Жарко! – сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

Событие тринадцатое **О чем чирикают бабушки**

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облезлого воробья.

– Ты, птен-чик желторотый, – сказал мне старый воробей, – я тут все время за тобой с березы наблюдал. Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

– А что вам от меня надо?

– Ты не груби старшим.

– Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять болезненно клюнул меня в шею.

– Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.